

„Северный огонек“

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

НИКОЛАЙ СОЧИХИН

Чем больше душа
волновалась,
Чтоб счастье для всех,
чтобы всем,
Тем меньше друзей
оставалось
И скоро не стало совсем.
Так что же ты веришь
обману,
Что этим легко
пренебречь.
...Как будто смертельную
рану
Еще можно чем-то
прикрасить.

И волны качали причал.
Без клятв и печали,
Как только в начале
Из самых чудесных начал.
И все им казалось
понятно и ясно,
И скоро им встретиться
вновь.
И плакать — напрасно,
Ведь жизнь — прекрасна.
А в жизни — любовь
и любовь.
Им было по двадцать,
когда расставались
Под шепот и пение струй.
Но годы промчались...
Они целовались —
И горек их был поцелуй.

Как быстры мы
на ярлыки
И эпюлеты.
Ну что ж мы,
братья-мужики,
Совсем уж это...
Доколе кланяться-то нам
И ножкой шаркать
Всем этим шубкам
и шарфам,
И этим шапкам?
Пусть ценен мех. Что
из того —
Товар расхожий.
Ему и место-то всего —
В прихожей.

Неужель было нужно
кому-то
Познакомить нас
невзначай.
Не успели сказать
«с добрым утром!»,
А уже говорим «прощай».
Ты явилась незванно,
непрощенно.
Как-то сразу, негаданно,
вдруг.
Мало в жизни встречал
я хорошего,
Да и то выпадало из рук.
Видно, так мне судьбой
наказано:
И встречать, и терять
невзначай.
Ну, прощай же,
моя недосказанная,
Недомовленная, прощай.

КАЛЛЫ
Как элегантно эти каллы!
В них смысл и чувства —
без игры.
Почти, почти как
мадригалы
Поэтов пушкинской поры.

Устал, устал. Нет сил,
нет сил.
Все, все. Ложусь и сплю
неделю.
Ведь сколько грязь
я ни месил —
Ее не меньше, в самом
деле.
Ну ладно, что на
сапогах.
На рукавицах и на робе.
А та, что на душе,
в мозгах?
Ту отскрести? Пойди,
попробуй!

Дайте мне вашу руку
И я обогрею в моей
И каждый пальчик
озябший,
И каждую жилку на ней.
Дайте мне вашу руку
И я поцелую ее,
И пусть потом разорвется
Влюбленное сердце мое.

Они целовались
на людном причале

УЖЕ неделю стояли со- рокаградусные морозы. Жесткий северный ветер пронизывал насквозь, перехватывая дыхание и казалось, что кочат не только пальцы, лицо и тело, но и сердце.

В один из таких дней, увязая в снегу, шли гуськом люди по глухой тайге. Их было десять человек. У каждого за спиной туго набитый рюкзак с запасом продуктов и необходимыми житейскими предметами. До нового места работы, куда они шли, было около тридцати километров. По мере продвижения всем становилось ясно, что быстро туда не дойти, не хватит сил.

— Черт бы побрал этого мальчишку, — сказал Реут, бородатый пожилой мужчина. — Что можно делать в такой мороз? Подождет бы подхода техники.

— Ты первым поддался на его уговоры, — напомнил ему высокий, как жердь, человек, идущий впереди. — Авось доберемся. А о работе не беспокойся, он найдет, что тебе делать.

— Нашел время шутить, — сердито сказал Реут. — На твоих ходулях не только по снегу, а и по болоту ходить можно, как аисту. А я уже изнемог. Пора бы место под ночлег готовить.

Словно в ответ на его жалобное ворчание в морозной тишине раздался звонкий голос ведущего:

— При-и-вал!
Реут сразу встрепетнулся, сбросил на снег рюкзак и крикнул залихватски:
— Топоры и лопаты к бою! Готовим два костра. Интервал десять метров. Садитесь и стойте без движения запрещае тся. Двигайтесь! За работу!
Застучали топоры, замелькали лопаты, расчищая площадку под привал. И вот — живительные, милые взгляду и сердцу языки огня охватили два длинных штабеля бревен.

Набросав гору елового лапника, на котором было удобно сидеть и лежать, развесив над огнем чайники и ведра со снегом, люди принялись за еду. Тот, кого Реут называл мальчишкой, подошел к нему, опустился рядом на подстилку из лапника и сказал:

— Это вы хорошо придумали, сделал два больших костра. Такой способ мы можем применить в

большие морозы, окружив места работ множеством костров, и быстрее выполнить задачу.

Долговязый мужчина, который сидел за спиной Реута, наклонился к его уху и, хихикнув, сказал:

— Что я говорил тебе, Реут? Не будет у нас безработицы.

Реут недовольно поморщился.

— Вот что, товарищ Болеславский, — обратил-

порождено неверие, которое прозвучало в ваших словах?

Реут попал врасплох, не находя сразу, что ответить. Тогда Болеславоки сказал:

— Мне не раз говорил дед, чтобы я остерегался когтистых лап бюрократии и демагогии, которые всегда тянутся к горлу завоеваний революции. Это они душат энтузиазм и сеют сомнения. Вина

ко сказал Болеславский. — А вам такое чувство знакомо?

Он поднялся с подстилки, подошел к огню, поворошил бревна. Сноп искр взметнулся к вершинам деревьев.

Болеславский старался прогнать чувства неприязни и обиды, вспыхнувшие в нем от последнего вопроса. Рассудок подсказывал главное — здесь, в холодной тайге, где сидят у костра люди, многим пожертвовавшие и покинувшие насиженное место, не должно быть личных обид с его стороны. Эта мысль успокоила, а прерванный разговор унес в воспоминания недалекого прошлого. К рассказам отца о славных делах не только деду, но и прадеду. Прадед, который погиб при Брусилловском наступлении, заложил основу их семейных традиций, их нравственного понимания общественного долга. Уходя на войну, он посадил сына на колени и сказал: «Запомни, сынок, — самое главное в нашей жизни — это Родина. Поэтому мать и жена».

«Это же самое и я буду говорить своим детям и внукам», — подумал Болеславский. В это время долговязый, наклонившись к уху Реута, шептал:

— Чуешь, куда он все завернул? Косты там все ляжем. Давай тикать, пока не поздно.

— Провались ты к черту! — Рявкнул вдруг на него Реут. — Такому парню помогать надо, а не тикать.

Долговязый испуганно отпрянул и затих.

Ночь прошла беспокойно. Люди сгрудились на лапнике, чтобы было теплее, но все равно, застывая, просыпались и шли греться поближе к костру, обсуждая там предстоящие дела и проблемы.

Под утро Болеславский вдруг крепко уснул, так что Реуту пришлось его будить.

Он тряс его за плечи и говорил:

— Поднимайся, товарищ Болеславский! Пора идти на точку. Ну, проснись же, наследник революции!

О. РИХТЕР

НАСЛЕДНИК

НОВЕЛЛА

старших, ваша вина, что вы допустили нравственный упадок в обществе. Многие из вас, товарищ Реут, стали палачами своей же веры.

— Постой! — прервал его Реут. — Ты во многом прав, но говоришь лозунгами. Человек не может сделать больше, чем в него заложено. Ты наверняка сможешь за одну минуту съесть одну котлету. Попробуй-ка съесть за шестьдесят минут шестьдесят котлет. Подавишься! Я к тому говорю, чтобы не подавиться и нам в этой спешке. Я не уверен, что мы поступаем правильно.

— А я уверен! — сказал Болеславский. — Дед меня учил так: «Глаза бояться — руки делают». А иначе не будет прогресса.

— Что ты заладил: «Дед да дед!». Кто он, твой дед-то?

Болеславский долгим взглядом посмотрел в глаза Реуту.

— Революцией занимался мой дед, — ответил он. — Потом с контрреволюцией боролся. Потом народным хозяйством занимался...

— Тогда все ясно, — сказал Реут. — Это в тебе наследственное. — Он замолчал и задумался.

— А чему еще учил тебя дед? — Раздался изза спины Реута голос долговязого. Это было похоже на издевку.

— А еще учил меня дед — Родину любить! — Рез-

старших, ваша вина, что вы допустили нравственный упадок в обществе. Многие из вас, товарищ Реут, стали палачами своей же веры.

— Постой! — прервал его Реут. — Ты во многом прав, но говоришь лозунгами. Человек не может сделать больше, чем в него заложено. Ты наверняка сможешь за одну минуту съесть одну котлету. Попробуй-ка съесть за шестьдесят минут шестьдесят котлет. Подавишься! Я к тому говорю, чтобы не подавиться и нам в этой спешке. Я не уверен, что мы поступаем правильно.

— А я уверен! — сказал Болеславский. — Дед меня учил так: «Глаза бояться — руки делают». А иначе не будет прогресса.

— Что ты заладил: «Дед да дед!». Кто он, твой дед-то?

Болеславский долгим взглядом посмотрел в глаза Реуту.

— Революцией занимался мой дед, — ответил он. — Потом с контрреволюцией боролся. Потом народным хозяйством занимался...

— Тогда все ясно, — сказал Реут. — Это в тебе наследственное. — Он замолчал и задумался.

— А чему еще учил тебя дед? — Раздался изза спины Реута голос долговязого. Это было похоже на издевку.

— А еще учил меня дед — Родину любить! — Рез-

Возвращение

Появилась первым тыном
Колыбели сторона.
Молодым,
игривым дымом
Кучерявятся дома.
Пахнет сладостно
деревней.

Жив курилка! —
дремлет дуб.
За избою Вассы древней
Вырос внука свежий сруб...
Опостытело скитаться,
Плакать в кубрике тайком.
Буду солнцем обедаться!
Обливаться молоком!
Я давно уже решила:
Прощевайте, корабли...
И теплом пронзилась сила
Нескудеющей земли:
Чувство мартовского
стебля
Запружинило во мне.
Захотелось вдруг,
не медля,
Взвиться в небо на коне...

II.
Дома!
Дома!
Привечает скрип калитки
у плетня.
Бабка,
кот,
корова Майя,—
Вот и вся моя родня.
Одиночество провисло
Паутиной с потолка.

III.
На заре иду к сараю.
Паром выкатился вздох.
Нежно Майю обнимаю,
Трусь щекой о сытый бок:
Я твой выкормыш,
корова.
Я —
пастушка-егоза...
Вечным отблеском былого
Влажно теплятся глаза,
Головой слегка мотает
У рассохшихся яслей,
Радость шумом
вытекает
Из больших ее ноздрей.
Бубном,
подою.

ОЛЬГА ПЕЧНИКОВА.

Крестит к ночи лоб
мой быстро
Уловатая рука.
А мозоли —
как фасоли.

А невзгод —
на шестерых...
— Не дай, бог,
ее мне доли,—
Пережить детей своих!..
Надо мной висит картина;
Тайну в складках губ
храня,
Смотрит юная дивчина
Просветленно на меня.
Не измучена годами,
Злополучием времен,
Смотрит бабушка
глазами
Рафаэлевских мадонн...

III.
На заре иду к сараю.
Паром выкатился вздох.
Нежно Майю обнимаю,
Трусь щекой о сытый бок:
Я твой выкормыш,
корова.
Я —
пастушка-егоза...
Вечным отблеском былого
Влажно теплятся глаза,
Головой слегка мотает
У рассохшихся яслей,
Радость шумом
вытекает
Из больших ее ноздрей.
Бубном,
подою.

свадебно звучащим,
Сердце бухает в боку.
Из мудреной,
темной чаши
Мне толкается в щеку.
Там, где ночь меня
болтала
В тошной качке бортовой,
Знала б ты, как я скучала!
Как хотелось мне домой!
К дому
чайками стремились
Думы, крылья размахав.
И мои подруги снились,
Как ромашки,
между трав.

В городах,
как повилка,
Иссушала суетня.
Там ненужной
и безликой
Ощущала я себя.

Даже к морю охладела.
В рейсах —
бредила землей.
И прижиться
не сумела,
— Здесь остался корень
мой...
Трудно жизнь начать мне
снова —
От тебя не утаю.
Что ж задумалась,
корова?
— Ну, давай-ка,
подою.

ПОЛОВОДЬЕ.

Фотоэтиюд Л. Березницкого.